

УДК 140.8: 316.4

DOI: 10.21146/1606-6251-2024-1/2-92-102

В.В. Седов

ПОСТ-ИСТИНА КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

***Аннотация:** В статье обсуждаются причины и следствия влияния цифрового прогресса и новейших социальных явлений на общество и государство современности. Отдельное внимание уделяется такому понятию как «пост-истина», которое стало доминирующим в информационном сообществе.*

Помимо этого, также рассматривается влияние такого социально-философского понятия как «метамодернизм», отдельные вехи которого прочно укоренились в мышлении современного человека, что может стать поводом для становления его доверяющей идей, взамен постмодернизму. Как влияние цифрового мира приводится пример геймификации и ее влияние на определенные возрастные группы, а также растущий политический конформизм, влияние которого пока невозможно оценить как положительное или отрицательное.

***Ключевые слова:** метамодернизм, постмодерн, социально-политические ценности, социально-политические движения, геймификация.*

Социальное и политическое пространство последних лет стало неустойчивым и пластичным одновременно. Иллюзии о нерушимости институтов — будь то авторитет союзов, объединений, организаций или же восприятие ценностных парадигм и

Седов Владислав Васильевич — аспирант факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, менеджер по учебной работе факультета Санкт-Петербургской школы экономики и менеджмента НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург).
E-mail: v.sedov@hse.ru

идеологий — не начали рушиться, не дали трещину, но словно были отменены. При этом они продолжают существовать и сохранять свой статус-кво, утратив абсолютно лидирующие позиции и став «обыденной» альтернативой тому, что способен придумать человек в новую эпоху.

Целью данной статьи становится анализ влияния новейших современных социальных концепций на рост как политической протестной деятельности общества, так и абсентеизма и конформизма.

На данный момент нельзя говорить о полноценной смене культурных и научных парадигм, однако рядом с переживающим явный кризис постмодернизмом возникает уже нечто новое, относящееся к мышлению человека и его поведению в обществе и его восприятию как *homo sapiens* в общем смысле. Исследование такого рода рискует стать глубоко междисциплинарным, затрагивая вопросы одновременно вопросы этики, философии, социологии, психологии и политологии, поэтому в первую очередь мы оттолкнемся от тех сфер, где в массе своей результаты этих изменений начали становиться более отчетливыми — сфер политического и социального.

Затрагивая вопрос парадигм, в первую очередь стоит сказать о том, что положение довлеющей идеи — постмодернизма — крайне спорное. Бытуют самые различные мнения о нем: либо он испытывает предсмертный кризис; либо постмодернизм — это мнимое течение, которое на самом деле является лишь одной из великих идей в рамках расширенного модернизма; что он лишь логичное продолжение, а не отрицание модернизма и т.д. [13].

Единого мнения нет, в связи с чем нет также и понимания того, заканчивается ли он, либо из него вытекает что-то новое. Так, на стыке XX и XXI веков некоторые мыслители начали говорить о том, что началась новая эпоха, просто ей на тот момент не дали точного названия [13]. Впоследствии были семантические усилия дать такое название: «трансмодернизм», «альтермодернизм», «постпостмодернизм», даже «цифромодернизм», и наконец-то, то, которое прижилось — метамодернизм. На данный момент метамодернизм считают наиболее удачным вариантом, особенно после опубликованного «Манифеста метамодернизма» Робина ван дер Аккера и Вермелена [8].

С момента публикации этого манифеста в 2011 г. по данной теме появился обширный пул статей и исследований, в которых утверждается, что «метамодернизм пуст», и пока только «в процессе рождения», что мы наполняем его прямо сейчас. Однако в обществе уже происходят явные перемены, которые говорят о том, что метамодернизм все же в той или иной мере «наступил». При этом не отрицаются достижения постмодернизма, и акцент ставится на то, что метамодернизм не является его альтернативой. В этом кроется ряд сложностей с определением метамодернизма и его границ, равно как и его положением и влиянием.

Одной из главных идей, которая, по мнению некоторых исследователей [12], определяет наступление эпохи метамодернизма, является пост-истина как социально-политический феномен: каждый индивид или группа индивидов и даже государство как совокупность множества групп имеют право на собственное мнение, которое точно может быть правдивым и достоверным, как и мнение любого другого индивида или группы. Проще говоря, собственная правда не всегда объективна.

В «Манифесте метамодернизма» есть фраза, которая дает наиболее полное понимание: «Вся информация является основанием для знания, будь оно эмпирическим или афористичным, безотносительно его истинности» [8]. Естественная лиминальность обеих «сущностей» — как метамодернизма, так и пост-истины внутри него, показывает их взаимосвязь и говорит о следующем: ни в одном, ни в другом нет окончательного понятия правды, лжи или хоть какой-либо определенности, в силу чего они вынуждены соблюдать баланс между обоими полюсами.

Нельзя сказать, что сам концепт «метамодернизм» влияет на общественное и политическое сознание напрямую — тем не менее, некоторые его паттерны исследователями будто бы «открываются и отыскиваются» и как следствие и как причина изменений в самом социуме и в политической деятельности государств. В широком дискурсе это говорит уже о переменах в самом мышлении человека.

Термин «пост-правда» глубоко анализируется в книге Л. МакИнтайра «Пост-истина». Если в Оксфордском словаре определение пост-истины, или пост-правды звучит следующим образом: «Пост-правда относится к обстоятельствам (или обо-

значает их), при которых объективные факты оказывают меньшее влияние на формирование общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личным убеждениям» [12], то МакИнтайр несколько упрощает это понятие, перенося его на действие поля политического: «Пост-истина – согласие по поводу того, что чувства точнее фактов ради подчинения реальности политике» [14, 174].

Ситуация получается двойственной: с одной стороны, происходит активная демистификация политики и политического процесса, а также самого государства. С другой, властные структуры все больше берут под свой контроль образ и вектор мышления и настроения масс, особенно посредством создания преднамеренно фейковых новостей, не соответствующих реальности. Нельзя доподлинно утверждать, что что-то одно следует из другого: что из-за демистификации власть пытается удержаться или что, наоборот, из-за критической массы инструментов манипулирования и начался процесс демистификации. Оба они идут примерно одинаково и одновременно, не мешая друг другу.

Сами «основатели» метамодернизма, Вермелен и Робин ван дер Аккер утверждают, что истоки нынешней ситуации можно отыскать в двух важных процессах. Первый – явное разочарование в демократии и неолиберализме как некой господствующей идее, начавшееся с 2000-х гг., сразу после того как Конец Истории Фукуямы (вместе с условным концом постмодернизма) так и не свершился. Второй – повсеместный рост новых недовольств и протестов, явное противостояние власти и властным структурам, склонность к анархичным и минорхичным взглядам на политику и экономические процессы. Экономика также находится в нестабильном положении: кризисы, пандемия, конфликты, международный терроризм подточили основы экономического мироустройства.

Со стороны может показаться, будто бы общество, крайне вдохновившись антагонистической трилогией «Дивергент» [10], старательно пытается выстроить качественное разделение по классу деятельности и устремлений. В то же время начинается борьба против этого разделения и позиции «меня это не касается», стремящаяся к унификации, общему императиву и коллективной социальной ответственности. В качестве примеров мож-

но назвать БЛМ-движение в США, где «господствующее белое большинство» обязано коллективно «вымалывать прощение» у афроамериканцев; или же попытки малых культурных прототерактов относительно произведений искусств со стороны наиболее радикально настроенных «зеленых». По их мнению, независимо от того, что человек думает и чувствует, он обязан поддерживать их и их устремления. В этот список можно добавить еще десяток движений, организаций и идей, усугубляющих и без того мрачную картину.

В социально-культурном аспекте метамодернизм становится неким единым цельным потоком смысловых конструкций, где каждая его часть при этом более чем самостоятельна и имеет определенный вес. Это влияет на социальное поведение индивида — «элитизм» и снобизм порицаются как новые смертные грехи, но при этом им подвержены сами противники снобизма, с позиции которого они «взирают» на всех «непросветленных и отсталых во взглядах».

Попытки уйти от диверсификации массового и элитарного в обществе снабжаются элементами пока что простой геймификации: тот, кто владеет большим количеством сторонников / подписчиков, властью влиять на мнения или пулом информации, встает во главе списка. Перенос на общество таких элементов гейм-дизайна может стать повсеместным — особенно использование «квестовой линии». Данный «квест» меняется в своей принципиальной направленности: например, знание должно иметь некий особый порог уникального и не иметь аналогии, в противном случае постижение такого знания мало чем будет отличаться от прочтения статьи в Википедии [11], а значит не будет пройден своего рода «интеллектуальный ценз», и «социальный игрок» не попадет в первые строки рейтинга.

Из-за этого процесс поиска, путь к цели стал дозвонить над фактом получения, где получение означает тот самый конец, которого хочется избежать, поскольку финал может быть неудовлетворительным. При этом его нельзя «переиграть, загрузив предыдущее сохранение». В конце концов, индивид застревает в точке напряжения между модернистским оптимизмом и постмодернистским цинизмом, где индивидуальность «желает приобрести значимый эмоциональный опыт, но вместе с тем осоз-

нает искусственный характер такого опыта, особенно в том, что касается социальных категорий индивидуальности» [4, 145].

В социальном и политическом пространстве индивид конформно существует со стремительно растущим количеством политических, социальных и религиозных движений, еще не прошедших свое цивилизационное «бутылочное горлышко». Эти движения активно складываются друг с другом в непоследовательные и нежизнеспособные формы, подобные «право-левым». Такое сосуществование становится возможным, в т.ч., поскольку индивид, особенно будучи в возрасте 15-30 лет, широко знаком со слабо регулируемым в плане цензуры игротворчеством, особенно онлайн-играми, где такое положение является нормальным – люди переносят свои повседневные, социальные и политические проблемы и воззрения в игру, где это имеет нарочито сатирический в плане абсурдности или радикализма формат. Подобное взаимодействие быстро становится привычкой, что создает ложное ощущение, что и в реальном мире такой опыт можно повторить. Вполне естественно, что результат оказывается прямо противоположным.

Как следствие, политический конформизм тоже становится распространенной нормой поведения, причем даже для тех, кто якобы против любой действующей власти, поскольку они остаются таковыми только на словах, или «в комментариях в соцсетях». Де-факто все эти представители разных движений могут абсурдно сочетать максимальную поддержку власти и одновременно идти против ее центральных органов и институтов (как например, «царебожники» в РФ, или еще более абсурдные «православные сталинисты», можно привести и другие примеры современного политико-религиозного мифотворчества [1; 2; 6]), а их борьба не будет выходить за пределы их собственных компьютеров.

Впрочем, как показывает практика, влияние таких социальных субъектов (движений) на СМИ постепенно возрастает, это происходит благодаря вбросу фейковых новостей и последующей незначительной или даже значительной дестабилизации общества. Государство пытается балансировать посередине, не давая излишне развиться в обществе ни одной из сторон – ни излишне правой, ни излишне левой, ни излишне радикально-

активной, ни исключительно абсентеистской; оно последовательно поддерживает и провоцирует то одних то других, хотя и здесь есть исключения.

Публичная политика и само управление государством неуклонно перемещается в пространство цифровое, где условно названные «народные дебаты» плавно становятся интернет-дискуссиями с, возможно, более агрессивным лексиконом, нежели раньше. Так называемые «традиционные» средства массовой информации – телевидение и радиовещание, не говоря уже о газетах – имеют влияние только на довольно возрастную аудиторию. И эта аудитория тоже под влиянием молодежи постепенно учится пользоваться цифровыми инструментами.

Некоторые государства также формируют новую модель социально-политической коммуникации, с помощью всевозможных порталов и сайтов, где граждане могут подать официальные запросы, жалобы, которые рассматриваются так же, как и поданные очно, однако намного быстрее и оперативнее. «Сетевая коммуникация становится системообразующим источником репродукции всех социальных институтов, определяя формат социальных и политических отношений» [9, 46]. Например, в российской банковской сфере можно отметить высочайшую степень цифровизации всех коммуникационных процессов между банком и клиентом.

Однако это равносильно имеет и иные последствия: государство с помощью сайтов, порталов и иных инструментов активно и углубленно берет под контроль все свое внутреннее цифровое пространство, с целью не только обыкновенного контроля распределения информации и цензурирования внешней или просто враждебной пропаганды, но и самостоятельного управления общественным мнением. Во многом это преобразовывает политические режимы, которые подразумеваются как традиционные, демократию или авторитаризм. Впрочем, здесь необходимо сделать небольшую поправку на то, что с появлением информационного общества эти политические режимы уже преобразовались, явив новейшие формации, например, демократическую диктатуру или авторитарную республику.

В этой связи, можно с большой уверенностью говорить о том, что цифровизация станет полем агрессивной конкурентной борь-

бы между BigTech-корпорациями, для которых цифровое пространство является рынком высочайших продаж, и государствами, ставящими себе как самоцель взять под крыло бесконтрольное распространение информации ради сохранения политической власти и еще большего расширения потенциального пакета инструментов управления обществом. Этому есть ряд препятствий: запаздывающее законодательное и юридическое регулирование, а также реактивность цифрового общественного пространства, за которым государство пока что также не может оперативно уследить в силу высокой бюрократизированности и инертности.

По большей части основную тенденцию нынешнего метамодернистского дискурса задает левонаправленный социальный анархизм — скорее как следствие постмодернистской привычки; условно говоря, это можно обозначить как «конструктивный бунт против государства, но с поддержкой государства» [7, 82-83]. Если проще — государство, с точки зрения романтически убежденных в собственных идеалах миллениалов, обязано поддерживать их бунт против самого себя. С такой стороны, сама по себе история как таковая начинает утрачивать свое предназначение.

Впрочем, именно об этом писали в «Заметках о метамодернизме», подходя к тому, что предназначение истории невозможно исполнить, поскольку его нет; тем не менее, это не мешает подходить к этому вопросу с той точки зрения, что предназначение существует. Получается, с точки зрения автора, замкнутый круг — предназначение истории в том, что у нее нет предназначения — и в этот сознательный парадокс сам себя скручивает метамодернизм [3].

Подытоживая, отметим, что метамодернизм не отрицает ни одного социально-политического движения как такового. Авторы-метамодернисты не отрицают возможности поворота как к левому течению, к которому есть тенденция уже на нынешний момент, так и к правому, куда тенденция только начала намечаться. Вполне разумно будет сказать, что в обществе одновременно нарастают обе позиции, причем, одна не исключает другую, и порой даже не мешает. С одной стороны, наблюдается явная коррозия демократических социальных институтов и подрыв доверия к демократическому управлению, сопряженный с повышением как социальной, так и государственной милитари-

зации, а также с созданием «цифрового государства сверхнадзора» с помощью передовых технических разработок. С другой, намечается активное стремление молодого поколения не к нигилистическому, но к структурированному анархизму с разливом самых разнообразных левых движений, которые, опираясь на поддержку государства (но не везде), выстраивают некую новую форму (непохожую даже на китайский «социалистический капитализм») [5, 400-401]. В таком положении сам метамодернизм попросту вынужден занять дрейфующую позицию между двумя потоками и скорее «созерцать», нежели созидать новый социальный уклад в умах людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров Г. «Православный сталинизм» как факт русской истории // Русь православная: Независимая Православно-патриотическая газета - 1998 - № 7.
2. Андреева Л.А. «Цареславие» в России // Общественные науки и современность. – 2013. – № 1. – С. 121-134.
3. Вермолен Т., ван ден Аккер Р. Заметки о метамодернизме. // Metamodern. Журнал о метамодернизме – URL: <http://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism/> (дата обращения: 20.05.2024).
4. Гиббонс Э. Аффект метамодерна // Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / Р. ван ден Аккер: [пер. с англ. В. М. Липки; вступит. ст. А. В. Павлова]. – М.: РИПОЛ классик, 2020. – С. 149-155.
5. Джессон Б. Государство: прошлое, настоящее и будущее / Боб Джессон; пер. с англ. С. Моисеева; под науч. ред. Д. Карасева. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019 – 504 с.
6. Лихачев В. Роль религии в идеологии и деятельности современных российских праворадикалов // Диа-Логос: [Религия и общество]. 2000-2001. Альманах. – М.: Духовная библиотека, 2001. – 530 с.
7. МакДауэлл Дж. Метамодерн, «quirky» и кинокритика // Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / Р. ван ден Аккер: [пер. с англ. В. М. Липки; вступит. ст. А. В. Павлова]. – М.: РИПОЛ классик, 2020. – С. 87-88.
8. Манифест метамодерниста. // Metamodern. Журнал о метамодернизме – URL: <https://metamodernizm.ru/manifesto/> (дата обращения: 22.05.2024).
9. Мирошниченко И.В. Эффекты и результаты сетевизации современной публичной политики // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2014. – №4 (28). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effekty-i-rezultaty-setevizatsii-sovremennoy-publichnoy-politiki> (дата обращения: 23.05.2024).
10. Ром, В. Дивергент. Цикл романов. [пер. с англ. А.С. Киланова]. – М.: Эксмо, 2012. – 352 с.
11. Седнин А. О чем молчит метамодерн? // Metamodern. Журнал о метамодернизме – URL: <https://metamodernizm.ru/o-chem-molchit-metamodern/> (дата обращения: 23.05.2024).
12. Flood A. “Post-truth” named word of the year by Oxford Dictionaries. The Guardian, 2016. – URL: <https://www.theguardian.com/books/2016/nov/15/post-truth-named-word-of-the-year-by-oxford-dictionaries> (дата обращения: 22.05.2024).

13. Kirby A. The death of postmodernism and beyond // Philosophy now: A magazine of ideas. — URL: https://philosophynow.org/issues/58/The_Death_of_Postmodernism_And_Beyond (дата обращения: 22.05.2024).

14. McIntair Lee. Post-truth. — The MIT Press Essential Knowledge Series, 2018. — 236 s.

V.V. Sedov

POST-TRUTH AS A SOCIO-POLITICAL PHENOMENON

St. Petersburg State University. Russian Federation. 199034, St. Petersburg, Universitetskaya nab., 7-9. E-mail: v.sedov@hse.ru

Abstract: *The article discusses the various causes and consequences of the impact of digital progress and the latest social phenomena on the society and state of our time. Special attention is paid to such a concept as “post-truth”, which as a phenomenon has become dominant in Western information communities. In addition, the influence of such a socio-philosophical term as “metamodernism” is also considered, some trends of which are firmly rooted in the thinking of modern man, which may become a reason for becoming its dominant idea, instead of postmodernism. Gamification and its influence on certain age groups, as well as growing political conformism, the influence of which cannot be assessed as positive or negative.*

Keywords: *metamodernism, postmodernism, socio-political values, socio-political movements, gamification.*

REFERENCES

1. Aleksandrov G. «Pravoslavnyy stalinizm» kak fakt russkoy istorii // Rus' pravoslavnyaya: Nezavisimaya Pravoslavno-patrioticheskaya gazeta - 1998 - № 7.
2. Andreyeva L.A. «Tsareslaviye» v Rossii // Obshchestvennyye nauki i sovremennost'. — 2013. — № 1. — S. 121-134.
3. Vermyulen T., van den Akker R. Zametki o metamodernizme. // Metamodern. Zhurnal o metamodernizme — URL: <http://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernizm/> (data obrashcheniya: 20.05.2024).
4. Gibbons E. Affekt metamoderna // Metamodernizm. Istorichnost', Affekt i Glubina posle postmodernizma / R. van den Akker: [per. s angl. V. M. Lipki; vstupil. st. A. V. Pavlova]. — M.: RIPOL klassik, 2020. — S. 149-155.
5. Dzhessop B. Gosudarstvo: proshloye, nastoyashcheye i budushcheye / Bob Dzhessop; per. s angl. S. Moiseyeva; pod nauch. red. D. Karaseva. — M.: Izdatel'skiy dom «Delo» RANKhiGS, 2019 — 504 s.
6. Likhachev V. Rol' religii v ideologii i deyatel'nosti sovremennykh rossiyskikh pravoradikalov // Dia-Logos: [Religiya i obshchestvo]. 2000-2001. Al'manakh. — M.: Dukhovnaya biblioteka, 2001. — 530 s.

7. *MakDauell Dzh.* Metamodern, «quirky» i kinokritika // Metamodernizm. Istorichnost', Affekt i Glubina posle postmodernizma / R. van den Akker: [per. s angl. V. M. Lipki; vstupit. st. A. V. Pavlova]. – M.: RIPOL klassik, 2020. – S. 87-88.

8. Manifest metamodernista. // Metamodern. Zhurnal o metamodernizme – URL: <https://metamodernizm.ru/manifesto/> (data obrashcheniya: 22.05.2024).

9. *Miroshnichenko I.V.* Effekty i rezul'taty setevizatsii sovremennoy publichnoy politiki // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya. – 2014. – №4 (28). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effekty-i-rezultaty-setevizatsii-sovremennoy-publichnoy-politiki> (data obrashcheniya: 23.05.2024).

10. *Rot, V.* Divergent. Tsikl romanov. [per. s angl. A.S. Kilanova]. – M.: Eksmo, 2012. – 352 s.

11. *Sednin A.* O chom molchit metamodern? // Metamodern. Zhurnal o metamodernizme – URL: <https://metamodernizm.ru/o-chom-molchit-metamodern/> (data obrashcheniya: 23.05.2024).

12. *Flood A.* “Post-truth” named word of the year by Oxford Dictionaries. The Guardian, 2016. – URL: <https://www.theguardian.com/books/2016/nov/15/post-truth-named-word-of-the-year-by-oxford-dictionaries> (data obrashcheniya: 22.05.2024).

13. *Kirby A.* The death of postmodernism and beyond // Philosophy now: A magazine of ideas. – URL: https://philosophynow.org/issues/58/The_Death_of_Postmodernism_And_Beyond (data obrashcheniya: 22.05.2024)

14. *McIntair Lee.* Post-truth. – The MIT Press Essential Knowledge Series, 2018. – 236 s.

Поступила в редакцию 24.05.2024 г.